

Д.О. РАСТЕГАЕВ*

**РУТИНИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О КОЛЛЕКТИВНОЙ ЖЕРТВЕ
КАК МЕХАНИЗМ ПОИСКА ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ: СЛУЧАЙ СЕРБИИ**

Но человек рождается на
страдании, как искры, чтобы
устремляться вверх.

Иов. 5:7

Аннотация. Онтологическая безопасность макрополитического сообщества сводится к безопасному ощущению сообществом себя-в-мире, выражаемому в предсказуемой социальной среде и в устойчивости представления о Себе в прошлом, настоящем и будущем. Механизм рутинизации постулируется теоретиками как многократное повторение определенных социальных действий, предназначенных для вытеснения коллективной тревожности и достижения тем самым состояния онтологической безопасности. Настоящая статья представляет одну из первых попыток концептуализации понятий «рутинизация» и «рутина» в теории онтологической безопасности в международных отношениях. Автором демонстрируется, что рутина – некое представление, воспроизводимое в ходе рутинизации. В эмпирической части работы автор рассматривает рутинизацию представления о Нас как о жертве на примере двух эпизодов сербского биографического нарратива – историй о Второй мировой войне и о Югославских войнах. Релевантность выбора предмета обосновывается наличием и результатами исследований, посвященных теме коллективной жертвы в сербской политике. Конструирование виктимологического нарратива о Второй мировой войне осуществляется за счет повышенного внимания к теме жертв мирного населения («мученики Ясеновацкие» или жертвы нацистского террора). В случае же Югославских войн

* **Растегаев Даниил Олегович**, младший научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: rastegaev.2000@mail.ru

аналогичная задача решается через коммеморацию травмирующих эпизодов национальной биографии (операция «Буря», бомбардировки НАТО) и через оспаривание факта причастности к массовым преступлениям («геноцид в Сребренице»), способной «размыть» рутинизируемое представление о коллективной жертве сербов. Показано, каким образом рутинизация представлений о коллективной жертве способствует укреплению онтологической безопасности Serbii.

Ключевые слова: онтологическая безопасность; рутина; рутинизация; статус жертвы; С. Милошевич; четники; Ясеновац; Сребреница.

Для цитирования: Растегаев Д.О. Рутинизация представления о коллективной жертве как механизм поиска онтологической безопасности: случай Serbii // Политическая наука. – 2025. – № 2. – С. 182–203. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.08>

Онтологическая безопасность – относительно новый теоретический концепт, достаточно широко опробованный в англоязычном дискурсе и только набирающий популярность в международно-политических исследованиях в России. Этот вид безопасности соотносится теоретиками с ощущением макрополитическим сообществом безопасности «себя-в-мире»: наличию предсказуемой внешнеполитической среды, а также устойчивого и не оспариваемого (как изнутри, так и извне) представления о прошлом, настоящем и будущем сообщества. Состояние онтологической безопасности достигается рутинизацией (многократным повторением сообществом определенных социальных действий, упорядочивающих социальную реальность и вытесняющих тревожность), направленной как на взаимодействие с другими сообществами, так и на поиск ответов на главные экзистенциальные вопросы (об идентичности, биографии, будущем сообщества и проч.) [Giddens, 1991; Mitzen, 2006; Steele, 2008].

При этом понятие рутинизации нуждается в некоторой концептуализации. Несмотря на то что эта идея, можно считать, принадлежит к «ядру» теории онтологической безопасности, эксплицитно она практически не разработана. Настоящая статья – одна из первых попыток проведения подобного исследования.

Эмпирическая часть работы будет сфокусирована на случае Serbii. Представляется, что образ жертвы стал для сербского макрополитического сообщества некоторой моделью рефлексии относительно собственного прошлого, а его рутинизация – способом вытеснения коллективной тревожности и поиска онтологической безопасности. В эмпирической части статьи мы попытаемся выявить практики рутинизации (в данном случае – репрезентации

Нас как коллективной жертвы) в рамках поиска онтологической безопасности на примере двух сюжетов, относимых к национальной биографии сербского макрополитического сообщества: событий Второй мировой войны и Югославских войн 1990-х годов.

Так как концепт онтологической безопасности имеет дело с политическими репрезентациями коллективных установок, источниковую базу исследования составят материалы выступлений высших официальных лиц Сербии, материалы прессы, а также нормативные акты органов власти Сербии.

Онтологическая безопасность как исследовательский концепт

Исследователи онтологической безопасности в плоскости международных отношений чаще всего опираются на исходные понятия и определения, сформулированные британским социологом Э. Гидденсом [Giddens, 1991]. Конечно, представители дискурса, рефлексируя, и сами обращают внимание на слишком большую опору (*over-reliance on*) на идеи британского классика [Kinnvall, Mitzen, 2020], но это, скорее, тема отдельного эпистемологического исследования.

Исходная мысль Э. Гидденса состояла в том, что у личности существует «практическое сознание» (*practical consciousness*) – в противовес дискурсивному, – которое также позволяет индивиду рефлексировать насчет собственных действий, но делать это неосознанно (*non-conscious, rather than unconscious*), воспринимая разворачивающееся бытие (*going-on being*) как данность (*taken for granted*). Практическое сознание – основа естественного отношения (*natural attitude*), которое позволяет вынести за скобки (*bracket out*) вопросы о себе, других и предметном мире, который обязан (*have to*) быть воспринимаемым как должное (*taken for granted*), чтобы индивид смог продолжать повседневную деятельность. Поиск ответа на указанные вопросы рождает неопределенность, которая может быть вынесена за скобки практическим сознанием и воспроизводящими его каждодневными рутинными практиками (*day-to-day routines*), формирующими защитный кокон (*protective cocoon*) [Giddens, 1991]. Исходя из этого, процесс укрепления онтологической безопасности личности состоит в поддержании естественного, воспринимаемого как должное отношения к базовым

экзистенциальным вопросам о времени, пространстве, непрерывности во времени и идентичности.

Исследователи международных отношений использовали оптику онтологической безопасности для анализа широкого спектра сюжетов: дилеммы безопасности как теоретического конструкта [Mitzen, 2006], проблемы нейтралитета в международных отношениях [Steele, 2008], соотношения процесса глобализации и формирования национальной идентичности [Kinnvall, 2004], Брексита [Browning, 2020], проблемы независимости Косова [Ejdus, 2020], исторической политики Японии и Турции [Zarakol, 2010].

При этом теория онтологической безопасности имеет ряд ограничений для исследования международных отношений. Вопросы вызывает как перенос индивидуальных характеристик на уровень коллективных субъектов, так и недостаточность оснований для интерпретации и объяснения некоторых явлений международных отношений. Конечно, онтологическая безопасность может объяснить ряд аномалий, интерпретируемых реалистами как иррациональность в международных отношениях. В частности, Дж. Митцен доказывает, что в силу поиска онтологической безопасности государства могут сознательно идти на конфликт, подрывающий их физическую безопасность [Mitzen, 2006]. Впрочем, доказать эмпирически, было ли мотивировано то или иное действие поиском онтологической безопасности, крайне трудно, а существование иррациональности в международных отношениях, скорее, показывает уязвимость реализма, чем служит весомым аргументом в пользу иных теорий.

При этом понятие онтологической безопасности служит важным приращением конструктивистской теории. В частности, оно помогает объяснить ряд дискурсивных действий государств, не сводимых исключительно к вопросам укрепления идентичности или строительства нации (например, выбор или отбраковку того или иного биографического нарратива [Ejdus, 2020; Zarakol, 2010; Mälksoo, 2015]). Подобные действия могут быть проанализированы в том числе эмпирически (опираясь, например, на дискурсивный или нарративный анализ) и интерпретированы с помощью рутинизации как базового процесса поиска онтологической безопасности.

Рутинизация и рутинизация: к концептуализации понятий

Как было отмечено выше, согласно Э. Гидденсу, каждодневные рутинные действия формируют практическое сознание и

вытесняют неопределенность [Giddens, 1991]. Исследователь употреблял также термины «установившаяся / обыденная рутина» (*established / ordinary routine*), «ложная рутина» (*false / staged routine*) [Giddens, 1991, p. 58], «рутинизированный» (*routinised*) – в последнем случае, очевидно, речь идет о результате процесса рутинизации. Термин «рутина» интерпретируется Э. Гидденсом как «воспроизведение координирующих конвенций» (*reproduction of coordinating conventions*) [Giddens, 1991, p. 39], и под этим понимается, скорее, не действие как таковое, а некоторое представление (например, представление индивида о той или иной социальной роли). Употребление эпитетов «установившийся» и «ложный» может говорить о наличии определенных качественных характеристик: если, например, «установившимися» можно считать представления, подкрепленные набором повторяемых действий (т.е. прошедших процесс рутинизации), то «ложными» – представления, потерявшие значимость при изменении социальной реальности (такое изменение можно назвать «критической ситуацией»).

В контексте международных отношений авторы сконцентрировались на обсуждении качественных характеристик процесса рутинизации, оставив без внимания непосредственно феномен рутины. Так, в теории онтологической безопасности сложилось два основных подхода к осмыслению рутинизации. Дж. Митцен, представляющая первый, утверждает, что рутинизироваться могут только отношения между коллективными субъектами. Автор постулирует, что осознание обществом самого себя основывается на идентичности и непосредственно на отличии от других (очевидно, подобных ему) обществ. Рутинизация отношений с другими группами главным образом помогает осознать свое отличие от этих групп («я» может взаимодействовать только с «не-я»). Утрата обществом «отличительности» (*distinctiveness*) будет означать угрозу его онтологической безопасности. При этом для ощущения онтологической безопасности сообществу необходимо опираться на некоторую совокупность рутинных практик, которые вытесняют неопределенность и делают реальность познаваемой [Mitzen, 2006, p. 352–354].

По Бренту Стили [Steele, 2008, p. 49–51], представляющему второй подход, онтологическая безопасность государств состоит из четырех компонентов:

- 1) материальные и рефлексивные возможности (то, как территория, вооруженные силы, экономика и проч. возможности влияют на восприятие «себя-в-мире»);

2) восприятие кризисных явлений (способность справляться с критическими ситуациями – событиями, разрушающими сложившиеся представления и угрожающие устойчивости коллективной идентичности);

3) биографический нарратив (представление государств о себе, возникающее или существующее для оправдания или объяснения своих действий);

4) дискурсивные стратегии других акторов (*co-actors discourse strategies* – дискурсивное поведение контрагентов на международной арене, в т.ч. и поведение «значимых других»).

Основываясь на этих характеристиках, Б. Стили утверждает, что рутинные практики формируются «путем проб и ошибок при трансформации видения “себя”» [Steele, 2008, p. 49–51]. Автор подчеркивает, что рутинные практики, сущность которых составляет взаимодействие с контрагентами, могут формироваться эндогенно, и зависят в том числе и от представлений самих акторов об окружающей социальной реальности.

И Дж. Митцен, и Б. Стили сходятся во взглядах на поиск онтологической безопасности как на проактивный процесс, выражающийся в некотором социальном действии макрополитического сообщества по отношению к другим подобным ему субъектам (которое, по Б. Стили, при достаточной успешности может быть рутинизировано). Более того, поиск онтологической безопасности в этом контексте означает только мотивацию к действию, но не его сущность.

Рассмотрение исследований, фокусирующихся на феномене национальной биографии, позволяет понять, что поиск онтологической безопасности с точки зрения процесса рутинизации может быть не только проактивной, но и реактивной стратегией. Филип Эйдус в теоретической части исследования о месте Косова в онтологической безопасности Сербии [Ejdus, 2020, p. 19] отмечает, что онтологически уязвимые акторы способны рутинизировать свое подчиненное положение в системе – и основным способом такого вымещения тревожности автор считает построение идентичности на основе репрезентации своей истории в логике конструирования образа Нас как коллективной жертвы (виктимной идентичности).

Более подробно феномен биографии нации разобрал исследователь Феликс Беренскеттер [Berenskoetter, 2014]. По его мнению, такая биография – субъективный и самоорганизованный (*Self-organized*) процесс формирования идентичности, не сфокусированный на отношениях со значимыми другими. Ф. Беренскеттер

использует феноменологический подход для анализа нарративов, артикулируя которые государства преследуют следующие цели: обеспечить Себя знанием о месте в мире, поместить Себя (*situate the Self*) и обозначить его границы в пространстве и времени, а также обеспечить Себя чувством определенности в отношении того, откуда «мы» пришли и куда «мы» идем (ср. с базовыми экзистенциальными вопросами по Э. Гидденсу). По мысли Ф. Беренскеттера, такой биографический нарратив предоставляет «базовый дискурс» на уровне общества и погружает индивида в «национальное сознание» (ср. с *natural attitude* и *practical consciousness* по Э. Гидденсу).

Биографический нарратив может разворачиваться как в пространстве, так и во времени: например, распространяться на прошлое (не только «выбирая» нужные «рассказы» из исторического репертуара и укладывая это в единое повествование, но и «создавая» новые воспоминания) или на будущее (конструируя надежды и ожидания по поводу перспективного образа Себя). При этом прошлое не может существовать в отрыве от реальных физически осязаемых пространств; Ф. Эйдус в этой связи описывает феномен «онтических пространств» (к разряду которых относится, в частности, и Косово), важных для формирования ощущения онтологической безопасности макрополитических сообществ [Ejdus, 2020, p. 2–3]. Более того, рутинизация определенного отношения к прошлому вообще или конкретного элемента биографии в частности может стать объектом безопасности: в этом контексте мы можем говорить и о секьюритизации памяти, и в целом о мнемонической безопасности как о самостоятельном феномене [Ефременко, 2022].

Задача качественного описания феномена рутины в теории онтологической безопасности в контексте международных отношений пока не была решена. В рамках настоящей статьи мы будем исходить из нашей интерпретации рутины по Э. Гидденсу [Giddens, 1991, p. 39] как об определенном представлении (конвенции), выступающем в том числе и ответом на некоторый экзистенциальный вопрос (о времени, пространстве, непрерывности во времени и идентичности), важный для обеспечения безопасного ощущения коллективным субъектом себя-в-мире. Подобное представление может относиться как к Себе, так и к окружающей социальной реальности. Оно формируется как за счет рутинизации отношений со значимыми Другими, так и посредством собственных дискурсивных практик, касающихся образа Себя (в т.ч. национальной биографии).

Исходя из этого, рутинизацию можно понимать как воспроизведение некоторого представления или «конвенции», ответа на базовый экзистенциальный вопрос. Процесс рутинизации как акт «установления» рутинной практики может проходить между акторами или вестись макрополитическим сообществом в отношении самого себя. Последнее затрагивает собственные представления сообщества о своей «биографии». В рамках настоящей статьи мы намерены выявить практики рутинизации, связанные с вызовами устойчивости биографического нарратива.

Тема коллективной жертвы в сербской политике: обзор литературы

В силу того что мы намерены рассмотреть репрезентацию Нас в качестве жертвы как практику, подлежащую рутинизации, мы должны обсудить релевантность этой оценки *per se* и ее применимость к случаю Сербии.

В исследованиях, сфокусированных на коллективной идентичности, отмечается разграничение между понятиями *victimization* (виктимизация) и *victimhood*, что можно перевести как «обладание статусом жертвы». Как отмечает Тэми Джекоби, между виктимизацией, понимаемой как фиксация факта «вреда» (*harm*), нанесенного индивиду или группе, и репрезентацией Себя в качестве жертвы, соотносимой с моделью коллективной идентичности, основанной на подчеркивании статуса жертвы, т.е. виктимной идентичностью (*victimhood identity*), должно пройти несколько этапов, начиная с низовой мобилизации (эффективность которой, по Т. Джекоби, напрямую зависит от типа политической системы) и заканчивая политической мобилизацией и политическим признанием [Jacoby, 2015].

Почему репрезентация Нас как жертвы становится объектом политики? В силу того что фигура жертвы предполагает наличие преступления (т.е. определенного события, представляющего травматический опыт) и фигуры, его совершившего (в английском языке существует понятие *perpetrator*, условно сводимое к русскому слову «преступник» / «палач»), есть две исходные позиции для виктимизации. Если группа когда-то выступала в роли жертвы, в этом случае работают механизмы виктимной идентичности; если группа выступала в роли *perpetrator*'а, активируются механизмы «соперничества за статус жертвы» (*competitive victimhood*), предна-

значенные для смягчения представлений о преступлениях и конструирования образа жертвы уже для тех, кто сам совершал эти преступления [Bilewicz, Stefaniak, 2013; Wohl, Branscombe, Klar, 2006]. В обоих случаях присвоение статуса жертвы работает на преодоление коллективной травмы и, основываясь на магистральной оптике этого исследования, это может быть интерпретировано как поиск онтологической безопасности.

Наши исходные представления о существовании в сербской политике артикулируемого представления о коллективной жертве, рутинизацию которого мы намереваемся проследить в рамках исследования, основываются в основном на «западной» оптике. Конечно, существуют и сербо- [Šijaković, 2015; Koprivica, 2008; Pavlović, 2015; Đureinović, 2021], и русскоязычные [Ефременко, 2021; Тимофеев, 2020; Мелешкина, Помигуев, 2019] исследования, посвященные проблемам сербской политики идентичности и политики памяти, но использование образа жертвы в них не проблематизировано.

Адам Лернер, теоретизируя понятие «виктимный национализм» (*victimhood nationalism*), приходит к двум заключениям: 1) такой национализм конструируется посредством рассказов о предполагаемых или реальных коллективных травмах; 2) такой национализм преодолевает дихотомию «жертва – преступник» и проецирует «претензии» (*grievances*) на акторов, не включенных ранее в эту бинарность [Lerner, 2020]. Эмпирическим подтверждением этих выводов, по мысли А. Лернера, должен был стать компаративный анализ политики С. Милошевича и Д. Бен-Гуриона (в силу фокуса нашего исследования мы остановимся только на сербском случае). Автор утверждает, что С. Милошевич объединил отдельные коллективные травмы сербов в единый виктимный национализм, спроецировав *grievances* в отношении исторических обидчиков на соседние на тот момент нации: хорватов, боснийских мусульман и албанцев. Конечно, оптика виктимного национализма может быть полезной в оценке действий этнических предпринимателей, апеллирующих к коллективным травмам сообщества, однако опора на несколько предвзятые исторические оценки (по крайней мере, касаясь случая С. Милошевича) говорит об ограниченном эвристическом потенциале этого концепта.

Дубравка Стоянович на материалах сербских школьных учебников истории исследует изменения в исторических нарративах Сербии [Stojanović, 2011]. Релевантность оценок исследовательница обосновывает тем, что школьные учебники в Сербии

утверждаются государственными органами и, следовательно, они не могут не отражать текущую идеологическую позицию. В фокусе исследования находятся учебники, выпущенные при и после С. Милошевича. Д. Стоянович утверждает, что «смена идеологических и идентитарных матриц в эпоху Милошевича имела целью поместить сербскую историю в националистическую мифологическую рамку, необходимую для оправдания войн в бывшей Югославии в начале 1990-х гг.» [Stojanović, 2011, p. 224] (это несколько корреспондирует с позицией А. Лернера, приведенной выше). Новое национальное и историческое сознание, согласно характеристике автора, было основано в том числе на подчеркивании виктимности. При этом Д. Стоянович замечает, что состояние, в котором оказалась Сербия в 1990-х, в учебниках интерпретировалось не как следствие чьих-либо решений, а как судьба или злой рок (для подтверждения приводятся цитаты: «далее началась война» или «мы пострадали от бомбардировок»). «Народ» описывался как историческая «жертва всех своих соседей», для подчеркивания образа использовались метафоры «мученика» и «Голгофы». Чертами представления о Нас как о жертве, следовательно, можно назвать генерализацию субъекта («народ»), апелляции к «судьбе» и «злому року» – т.е. «уход» от ответственности, – а также постулирование «предательства» [Stojanović, 2011, p. 226–229, 235] (эту посылку мы признаем в целом логичной). Устойчивость представления о коллективной жертве доказывалась Д. Стоянович тем, что после свержения С. Милошевича сербские идеологи стали избавляться от коммунистического, но не от виктимного наследия (что также отразилось в учебниках на примере конструирования нового взгляда на Вторую мировую войну, провозглашавшего четников жертвами и разоблачавшего действия партизан).

Сабрина Рамет, исследуя феномен мифа основания, дифференцирует его подвид, который она называет «мифом мученичества» (*myth of martyrdom*) [Ramet, 2011]. Исследование построено на сравнении четырех мифов основания: о короле Иштване (Венгрия), короле Артуре (Англия), короле Олафе (Норвегия) и князе Лазаре (Сербия). Два последних исследовательница относит к искомому «мифу мученичества», основываясь на том, что главные герои мифов приняли мученическую смерть и тем самым стали основателями своих наций. Принципиальная разница между Лазарем и Олафом, по мнению С. Рамет, состоит в том, что первый является символом национальной трагедии, а второй вспоминается «с благоговением» как правитель, завершивший процесс христианизации

страны (непонятно при этом, почему с таким же благоговением нельзя относиться к Лазарю). Более убедительным, на наш взгляд, выглядит аргумент о выборе национального героя для Сербии: в пользу существования «мифа мученичества» для сербов говорит выбор в качестве фигуры основателя именно князя Лазаря, а не царя Душана, святителя Саввы или князя Стефана Немани, которые тоже внесли большой вклад в историю, но мучениками не были.

Итак, настойчивую интерпретацию Нас в качестве коллективной жертвы можно считать рутинизацией, поскольку присвоение статуса жертвы соответствует цели поиска онтологической безопасности макрополитическим сообществом. Существует понятие «виктимная идентичность», которое можно соотнести с репрезентацией Нас как жертвы в качестве «установившейся рутины». Три разных подхода к оценке представлений о коллективной жертве в сербской политике и сербском символическом поле («виктимный национализм», акцентуация статуса жертвы как сквозной акцент школьных учебников истории и «миф мученичества») косвенно могут подтвердить релевантность образа жертвы для сербского случая.

«Балканский Освенцим»: рутинизация представления о коллективной жертве в повествовании о Второй мировой войне

Можно сказать, что в повествовании о Второй мировой войне (ВМВ) в современном сербском обществе конкурируют две интерпретации: «партизанская» (сформированная в социалистической Югославии) и «четническая» (условно сводимая к усилению внимания к четникам за счет отказа от «партизанской» версии истории ВМВ в Югославии) [Тимофеев, 2020]. В этом контексте представление о сербах как о коллективной жертве, возникшее еще в социалистической Югославии в связи с формированием «официального» рассказа о преступлениях нацистов и их пособников (в частности, в концентрационном лагере Ясеновац [Ođak, Veščić, 2016]), является практически единственной не оспариваемой по существу версией изложения событий ВМВ (по крайней мере, у представления о сербах как о жертве нет дихотомической пары, какую, например, составляют партизаны и четники). Следовательно, рутинизация представления о коллективной жертве в оценках и рассказах о событиях ВМВ способствует вытеснению

коллективной тревожности, связанной с выбором между партизанами и четниками, и тем самым укрепляет состояние онтологической безопасности. В этом разделе будут рассмотрены практики репрезентации Нас в качестве жертвы в отношении ВМВ в современной Сербии.

Полноценная ревизия «партизанского» взгляда на Вторую мировую началась в Сербии после свержения С. Милошевича. В результате выбор альтернативы партизанам пал на четников (во главе с Дражей Михайловичем) – солдат Югославской армии на родине, которая была сформирована из остатков капитулировавшей в апреле 1941 г. Югославской королевской армии. Нельзя сказать, что усиление внимания к четникам (их официальная реабилитация¹ или открытие памятников или музеев в их честь²) и деконструкция «героического» представления о партизанах (вплоть до переименования улиц³ или изменения коммеморативных практик⁴) прямо соотносится с процессом рутинизации представления о коллективной жертве. Но в конструировании положительного образа четников можно обнаружить черты виктимизации. Например, в новых учебниках истории четники были представлены как «национальная» военная сила, которая была *передана* союзниками – британцами и американцами – когда стало понятно, что к победе близки партизаны. Факты коллаборационизма четников при этом умалчивались [Stojanović, 2011].

Более заметным сюжетом рутинизации представления о Нас как о жертве в Сербии стало усиление внимания к увековечиванию памяти мирных граждан, погибших в ВМВ. Сербский нарратив о

¹ Закон о правима бораца, војних инвалида и чланова њихових породица // Правно-информациони систем РС. – Б. г. – Режим доступа: <https://pravno-informacioni-sistem.rs/eli/rep/sgsrs/skupstina/zakon/1989/54/3/reg/20180707> (дата посещения: 19.01.2025).

Закон о рехабилитацији (2006) // Викизворник. – Б. г. – Режим доступа: [https://sr.wikisource.org/wiki/Закон_о_рехабилитацији_\(2006\)](https://sr.wikisource.org/wiki/Закон_о_рехабилитацији_(2006)) (дата посещения: 19.01.2025).

² Дража Mihailović dobio spomenik i muzej u Beogradu // Политика. – Mode of access: <https://www.politika.rs/sr/clanak/578500/draza-mihailovic-dobio-spomenik-i-muzej-u-beogradu> (accessed: 19.01.2025).

³ Улицы, названные в честь российских военачальников, «сменили прописку» в Белграде // ТАСС. – 2013. – 5 июня. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/637481> (дата посещения: 19.01.2025).

⁴ Коштуница возложил венок к памятнику летчикам, погибшим в 1941 году // РИА Новости. – 2005. – 9 мая. – Режим доступа: <https://ria.ru/20050509/39958222.html> (дата посещения: 19.01.2025).

Ясеноваце – тема отдельного исследования, ей посвящено большое количество публикаций российских, сербских, хорватских и других западных авторов (особенно в контексте хорватского контрнарратива о Блайбурге) [Понамарева, 2020; Тимофеев, 2020; Odak, Benčić, 2016; Damjanovic, 2024; Byford, 2007]. В общих чертах авторы сходятся в политической инструментализации памяти о жертвах Ясеноваца, которая иногда сводится к сравнению лагеря с «балканским Освенцимом» и включению сербской стороной этого места памяти в повествование о Холокосте. Последнее, кстати, наглядно демонстрируется тем, что в Сербии День памяти жертв Холокоста, геноцида и других жертв Второй мировой войны отмечается 22 апреля¹ – в день годовщины побега заключенных лагеря Ясеновац в 1945 г. 27 января, в Международный день памяти жертв Холокоста, в Сербии отмечается День св. Саввы, считающегося одним из главных сербских святых. При этом в Международный день памяти жертв Холокоста проводятся коммеморативные мероприятия в бывших концентрационных лагерях на территории Сербии, которые также используются для рутинизации представления о сербах как о коллективной жертве: например, в Старо-Саймиште² и Баньнице³ (оба – Белград).

Примечательна роль Сербской православной церкви в увековечении памяти жертв Ясеноваца. Так, девять новомучеников Ясеновацких были официально канонизированы в 2000 г.⁴ С 2010 г. официально память о новомучениках отмечается в сербской церкви 13 сентября; дата соотносится и с примерным временем начала

¹ Закон о државним и другим празницима у Републици Србији // Правно-информациони систем РС. – Б. г. – Режим доступа: <https://pravno-informacioni-sistem.rs/eli/rep/sgrs/skupstina/zakon/2001/43/1/reg> (дата посещения: 19.01.2025).

² Сутра се у Београду обележава Међународни дан сећања на жртве Холокауста // Политика. – 2024. – 27 января. – Режим доступа: <https://www.politika.rs/scc/clanak/596184/Сутра-се-у-Београду-обележава-Међународни-дан-сећања-на-жртве-Холокауста> (дата посещения: 13.02.2025).

³ Сећање на жртве Бањичког логора // Политика. – 2021. – 27 января. – Режим доступа: <https://www.politika.rs/scc/clanak/471673/Сећање-на-жртве-Бањичког-логора> (дата посещения: 13.02.2025).

⁴ Новопрославленые сербские мученики // Православие.ru. – Б. г. – Режим доступа: <https://www.pravoslavie.ru/put/sv/serbnovo.htm> (дата посещения: 19.01.2025).

работы лагеря, а также с освящением восстановленного храма Св. Иоанна в монастыре Ясеновац в 1984 г.¹

При этом представление о коллективной жертве рутинизируется не только за счет возникновения новых коммеморативных практик или мнемонических акторов, но и за счет расширения коммеморируемых сюжетов. Так, официальный календарь Сербии пополняется новыми датами, связанными с жертвами Второй мировой: 21 октября, в годовщину резни в Крагуеваце – хронологически первого военного преступления, совершенного нацистами против сербов, с 2012 г. на государственном уровне отмечается День памяти сербских жертв во Второй мировой войне². Ежегодно в этот день проходят памятные мероприятия в самом Крагуеваце, называемые «Большой школьный урок» (серб. «*Велики школски час*»)³ – в память об учениках и преподавателях, погибших среди прочих от рук нацистов 21 октября 1941 г.

Об «установившемся» характере рутинного представления о Нас как о жертве говорит и наличие «низовых» коммеморативных инициатив. Так, например, звучат предложения по установлению новых памятных дат – например, 28 апреля, в годовщину первого эпизода геноцида сербов в усташеском Независимом государстве Хорватия (НГХ), памятную дату планируется назвать «Днем геноцида против сербов»⁴. 11 сентября ежегодно проводятся коммеморативные мероприятия в Шипове (Республика Сербская, Босния и Герцеговина), посвященные памяти сербских жертв усташеского террора в НГХ⁵.

Итак, представление о сербах как о коллективной жертве в рамках повествования о Второй мировой войне можно считать

¹ Jasenovačke žrtve u crkvenom kalendaru // Политика. – 2010. – September 12. – Mode of access: <https://www.politika.rs/sr/clanak/149130/Jasenovacke-zrtve-u-crkvenom-kalendaru> (accessed: 13.02.2025).

² Србија obeležava Dan seћања na srpske žrtve // Политика. – 2012. – 21 октября. – Режим доступа: <https://www.politika.rs/scc/clanak/237283/Srbija-obelezava-Dan-secanja-na-srpske-zrtve> (дата посещения: 19.01.2025).

³ Велики школски час – сећање на крагујевачке жртве // Политика. – 2023. – 23 октября. – Режим доступа: <https://www.politika.rs/scc/clanak/579270/Велики-школски-час-сећање-на-крагујевачке-жртве> (дата посещения: 13.02.2025).

⁴ Да 28. април буде проглашен даном геноцида над Србима // Политика. – 2023. – 29 апреля. – Режим доступа: <https://www.politika.rs/scc/clanak/550271/Да-28-април-буде-проглашен-даном-геноцида-над-Србима> (дата посещения: 19.01.2025).

⁵ Помен за Србе убијене у Шипову у време НДХ // Политика. – 2023. – 11 сентября. – Режим доступа: <https://www.politika.rs/scc/clanak/570981/Помен-за-Србе-убијене-у-Шипову-у-време-НДХ> (дата посещения: 13.02.2025).

«установившийся рутинной». Это представление закрепляется на общенациональном уровне посредством продвижения рассказа о жертвах Ясеноваца, введения новых памятных дат и проведения коммеморативных мероприятий. Фокус представления о Нас как о жертве расширяется: помимо Ясеноваца вспоминаются жертвы среди мирного населения, погибшие в иных концентрационных лагерях или при иных обстоятельствах (как, например, в резне в Крагуеваце или в лагерях Старо-Саймиште и Баньице).

«Новая “Буря”»: представление о сербах как о коллективной жертве и Югославские войны

В отношении событий Югославских войн в сербском обществе работают механизмы «соперничества за статус жертвы», которые можно интерпретировать как поиск онтологической безопасности. Признание статуса «преступника» в отношении событий Югославских войн, навязываемое в том числе Европейским союзом как одно из условий продолжения интеграции [Растегаев, 2023], означало бы для сербского общества наступление критической ситуации, что замещается посредством рутинных повествований об эпизодах, где жертвами были сербы.

Наиболее очевидный пример источника онтологической небезопасности, связанного с размыванием представлений о Нас как о жертве в сербском обществе, – споры вокруг наименования резни в Сребренице – эпизода войны в Боснии июля 1995 г., который боснийские мусульмане, а также большинство стран ЕС и США считают геноцидом. Оставляя за скобками описание обстоятельств этой трагедии, ее освещения в СМИ и сформированного в связи с этим общественного мнения, а также интересов ЕС по конструированию Сребреницы как «императива памяти» [Mehler, 2017; Mencej, 2021; Растегаев, 2023], остановимся на мерах Сербии по противодействию закреплению за резней в Сребренице определения «геноцид».

Было предпринято две попытки зафиксировать определение «геноцид» по отношению к событиям в Сребренице специальным документом ООН. В 2015 г. Россия воспользовалась правом вето при голосовании по резолюции Совета Безопасности ООН, содержащей такое определение. В 2024 г. схожая резолюция была принята уже Генеральной Ассамблеей – до этого Сербией была запущена информационная кампания за непринятие такой резолюции,

кульминацией которой стало личное участие президента А. Вучича на заседании Генеральной Ассамблеи ООН с выступлением против принятия резолюции. Одобрение документа 84 голосами за (при 109 не «за») позволило А. Вучичу назвать произошедшее победой и заявить, что у мирового сообщества не получилось «заклеймить сербский народ»¹. После этого во многих городах Сербии и Республики Сербской (энтитета в составе конфедеративной Боснии и Герцеговины) появились сербские триколоры и плакаты с лозунгами: «Мы не геноцидный народ». Соперничество за статус жертвы в рамках рассказа о Сребренице можно подтвердить не только оспариванием истинности его «западного» варианта [Растегаев, 2023], но и прямым замещением рассказа о событиях 1995 г. повествованиями о страданиях сербов в Сребренице от усташей в Независимом государстве Хорватия в 1943 г.² или от боснийских мусульман в 1992 г.³

Повествование о других эпизодах, рутинно представляемых в логике коллективной жертвы, также работает в интересах «соперничества за статус жертвы». Таким эпизодом Югославских войн можно назвать операции хорватских ВС «Молния» и «Буря» 1995 г., приведших к военному поражению Республики Сербская Краина – непризнанного государства хорватских сербов. И если хорватской стороной эти события принято трактовать как победу в Отечественной войне, то в Сербии они интерпретируются как этническая чистка или геноцид [Subotić, 2015]. Официальные коммеморационные мероприятия проводятся в Сербии с 2014 г.; на последнем (на момент написания статьи), прошедшем в Лознице 3 августа 2024 г., с приветственным словом выступили президент Сербии А. Вучич и президент Республики Сербской Милорад Додик⁴. Наименование операции «Буря» (серб. «Олуја») может вы-

¹ Vučić: Hteli su da proglašavaju srpski narod krivim, nije im uspelo // Политика. – 2024. – Май 23. – Mode of access: <https://www.politika.rs/sr/clanak/616124/Vucic-Hteli-su-da-proglase-srpski-narod-krivim-nije-im-uspelo> (accessed: 19.01.2025).

² Сребреница: Служен парастос српским жртвама усташких злочина // РСТС. – 2022. – 13 июня. – Режим доступа: <https://www.rts.tv/vijesti/vijest.php?id=476745> (дата посещения: 13.02.2025).

³ U Bratuncu obeležena 29. godišnjica stradanja Srba iz srednjeg Podrinja // Danas. – 2021. – July 10. – Mode of access: <https://www.danas.rs/vesti/drustvo/u-bratuncu-obelezena-29-godisnjica-stradanja-srba-iz-srednjeg-podrinja/> (accessed: 13.02.2025).

⁴ Обележавање Дана сећања на све страдале и прогнане у оружаног акцији «Олуја» // Председник Републике Србије. – 2024. – 3 августа. – Режим доступа:

ступать самостоятельным символом и фигурировать в речах политиков (в том числе и самого А. Вучича) как метафора отчаянного положения (так, например, на фоне очередного обострения в Косово в 2022 г. А. Вучич сказал, что «албанцы готовят новую “Бурю”»¹).

Еще одной критической ситуацией для сербского общества является угроза потери Косова. Для вытеснения коллективной тревожности используется главным образом стратегия «перманентного непризнания» независимости края, описанная Ф. Эйдусом [Ejdus, 2020, p. 130]. Представление о сербах как о жертве в контексте Косова также рутинизируется. В этом процессе можно выделить два уровня: первый соотносится с сербами, проживающими в Косове, которые становятся жертвами «албанского террора» (пример: в 2024 г. состоялась коммеморация 20-й годовщины сербского погрома в Косове, в мероприятии принял участие президент Сербии А. Вучич²), второй – со всей сербской нацией, интерпретируемой как жертва «сговора великих держав».

Представление о сербах как о коллективной жертве также рутинизируется через рассказ о бомбардировках НАТО 1999 г. против СР Югославии (и здесь «соперничество за статус жертвы» пересекается с угрозой утраты Косова). Официальное повествование об этом событии постепенно организовывается таким образом, что из него пропадает артикулированная фигура «преступника». Если сравнить содержание речи президента А. Вучича на последних коммеморативных мероприятиях, посвященных «Дню памяти погибших в результате агрессии НАТО» (2022³, 2023⁴,

<https://www.predsednik.rs/pres-centar/vesti/obelezavanje-dana-secanja-na-sve-stradale-i-prognane-u-oruzanoj-akciji-oluja> (дата посещения: 19.01.2025).

¹ Vučić o odluci Prištine: Cilj je da se Srbi proteraju, spremaju napad već 1. Oktobra // Kosovo Online. – 2022. – June 29. – Mode of access: <https://www.kosovo-online.com/vesti/politika/vucic-o-odluci-pristine-cilj-je-da-se-srbi-proteraju-spremaju-napad-vec-1-oktobra-29> (accessed: 19.01.2025).

² Председник Вучић: Двадесет година без правде за жртве и казне за злочинце // Политика. – 2024. – 17 марта. – Режим доступа: <https://www.politika.rs/scc/clanak/604620/Председник-Вучић-Двадесет-година-без-правде-за-жртве-и-казне-за-злочинце> (дата посещения: 13.02.2025).

³ Обележавање Дана сећања на страдале у НАТО агресији // Председник Републике Србије. – 2022. – 24 марта. – Режим доступа: <https://www.predsednik.rs/pres-centar/vesti/obelezavanje-dana-secanja-na-stradale-u-nato-agresiji-30912> (дата посещения: 19.01.2025).

⁴ Обележавање Дана сећања на страдале у НАТО агресији 1999. године // Председник Републике Србије. – 2023. – 24 марта. – Режим доступа:

2024¹), то с каждым годом риторика становится менее бескомпромиссной. Если в 2022 г. А. Вучич говорил о том, что у НАТО «нет ни ценностей, ни морали», а в 2023 г. «оправдание бомбардировок гуманитарной катастрофой» было названо ложью (хотя в той же речи президент Сербии говорил о том, что сербы «обязаны простить» бомбардировки), то в 2024 г. А. Вучич говорит о персональных жертвах, в роли «преступника» фигурировали в основном местоимения «они» и «вы», а НАТО упоминалось в официальной новости только четырежды (с этого ракурса очевидна рутинизация представления о Нас как о жертве, выражаемая размытием фигуры преступника и апелляцией к «судьбе» и «злому року»). С другой стороны, подчеркивание ответственности НАТО за бомбардировки стало частью политического курса левых сербских политиков: в частности, Ивицы Дачича, в разное время занимавшего посты премьер-министра, министра иностранных дел Сербии, и Даницы Груйичич, министра здравоохранения Сербии (2022–2024).

Итак, рутинизацию представления о сербах как о коллективной жертве в повествовании о Югославских войнах можно интерпретировать как поиск онтологической безопасности для сербского макрополитического сообщества. Это связано с необходимостью преодоления критических ситуаций, соотносимых с закреплением статуса «преступника» за сербским обществом и с угрозой потери Косова. Рутинизация представления о сербах как о жертве в первом случае служит мерой «соперничества за статус жертвы», во втором – дополнением к стратегии «перманентного непризнания» Косова.

Рутинизация представлений о коллективной жертве как способ поиска онтологической безопасности: выводы

В настоящей статье был произведен краткий теоретический обзор концепта онтологической безопасности. Рутинизация понимается как воспроизведение некоторой координирующей конвенции (представления), служащей в том числе ответом на базовый

<https://www.predsednik.rs/pres-centar/vesti/obelezavanje-dana-secanja-na-stradale-u-nato-agresiji-1999-godine> (дата посещения: 19.01.2025).

¹ Обележавање Дана сећања на страдале у НАТО агресији 1999. године // Председник Републике Србије. – 2024. – 24 марта. – Режим доступа: <https://www.predsednik.rs/pres-centar/vesti/obelezavanje-dana-secanja-na-stradale-u-nato-agresiji-1999-godine-32547> (дата посещения: 19.01.2025).

экзистенциальный вопрос. Рутинизированные практики считаются «установившимися рутинами». Было установлено, что существует два вида рутинизации: «между» сообществами и «внутри» сообщества (т.е. рутинизация по отношению к Себе). К последнему виду мы отнесли рутинизацию элементов национальной биографии, частный случай которого – рутинизация представления о Нас как о жертве.

В сербском макрополитическом сообществе образ жертвы является «установившейся рутинной», используемой для укрепления онтологической безопасности. Рутинизация представления о Нас как о жертве в сербском случае выражается в установлении памятных дат, связанных с травматическими эпизодами биографии (а также в поиске и виктимизации новых эпизодов), проведении коммеморативных мероприятий, переименованиях улиц – мерах, соответствующих проведению политики памяти государством и иными мнемоническими акторами.

Представление о сербах как о коллективной жертве является консенсусным способом повествования о событиях Второй мировой войны и, следовательно, его рутинизация способствует укреплению онтологической безопасности. Представление о Нас как о жертве в рассказе о Второй мировой войне соотносится в основном с концентрационным лагерем Ясеновац, однако появляются и иные коммеморируемые сюжеты (резня в Крагуеваце, концентрационные лагеря в Старо-Саймиште и Баньице).

В рамках повествования о Югославских войнах в Сербии работают механизмы «соперничества за статус жертвы», когда рутинизируемое представление о Нас как о жертве вытесняет нежелательный для сербского сообщества образ «преступника». Подобная практика характерна для оспаривания наименования «геноцид» в отношении резни в Сребренице. Представление о Нас как о жертве укрепляется за счет рутинных повествований о других травматических эпизодах: операциях «Молния» и «Буря», бомбардировках НАТО или сербского погрома в Косово 2004 г.

D.O. Rastegaev*

**Routinisation of the victimhood as a mechanism
of ontological security seeking: the case of Serbia**

Abstract. The ontological security of a macro-political community is understood as the community's secure sense of being-in-the-world, expressed in a predictable social

* Rastegaev Daniil, INION (Moscow, Russia), e-mail: rastegaev.2000@mail.ru

environment and in the stability of the representation of the Self in the past, present, and future. The mechanism of routinization is usually postulated by theorists as the repetition of certain social actions designed to bracket out the sense of collective anxiety and thereby become ontologically secure. The present article represents one of the first attempts to conceptualize the notions of “routinization” and “routine” in the theory of ontological security in international relations. The author demonstrates that routine is a kind of convention “established” through routinization. To unveil the practice of routinization, the author has chosen the victimhood as a routine for the Serbian macro-political community. The relevance of the category is substantiated by the existence and results of studies focusing on the victimhood in Serbian politics. The routinization of victimhood was examined on two cases: narratives on the World War II and the Yugoslav wars in contemporary Serbia. Victim representations of WWII are explicitly routinized through increased attention to civilian casualties (“Jasenovac Martyrs” or victims of Nazi terror). Victimhood in the Yugoslav wars is manifested both through the commemorations of traumatic episodes of national biography (Operation “Storm”, NATO bombings) and through the contestation of the fact of involvement in mass crimes (“genocide in Srebrenica”) that can “blur” the routinization of victimhood. Victimhood in WWII narrative is a consensus representation against the background of the existence of competing historical narratives. In relation to the Yugoslav Wars, the routinization of victimhood constitutes the main way in which the mechanism of “competition for victim status” is implemented. Hence, the routinization of victimhood contributes to ontological security seeking.

Keywords: ontological security; routine; routinization; victimhood; S. Milošević; Chetniks; Jasenovac; Srebrenica.

For citation: Rastegaev D.O. Routinization of the victimhood as a mechanism of ontological security seeking: the case of Serbia. *Political science (RU)*. 2025, N 2, P. 182–203. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.08>

References

- Berenskoetter F. Parameters of a national biography. *European journal of international relations*. 2014, Vol. 20, N 1, P. 262–288. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1354066112445290>
- Bilewicz M., Stefaniak A. Can a victim be responsible? Antisemitic consequences of victimhood-based identity and competitive victimhood in Poland. In: Bokus B. (ed.) *Responsibility: An interdisciplinary perspective*. Piaseczno: Studio Lexem, 2013, P. 69–77.
- Browning C.S. Brexit, existential anxiety and ontological (in) security. In: Catarina Kinnvall C., Manners I., Mitzen J. (eds). *Ontological insecurity in the European Union*. Routledge, 2020, P. 88–107.
- Byford J. When I say “The Holocaust,” I mean “Jasenovac” remembrance of the Holocaust in contemporary Serbia. *East European Jewish Affairs*. 2007, Vol. 37, N 1, P. 51–74.
- Damjanovic R. Serbian victimhood and historical injustice: Understanding heritage sites and narratives in the former Yugoslavia. In: Lixinski L., Zhu Y. (eds). *Heritage, conflict, and peace-building*. London: Routledge, 2024, P. 62–80.

- Dureinović J. *Politika sećanja na ratove devedesetih u Srbiji: istorijski revizionizam i izazovi memorijalizacije*. Beograd: Fond za humanitarno parvo, 2021, 44 p. (In Serb.)
- Efremenko D.V. Memory as Casus Belli. *Russia in global affairs*. 2022, Vol. 20, N 6 (118), P. 119–141. (In Russ.)
- Efremenko D.V. Skeletons in a Slavic Closet. Controversies of historical memory and nation-building in Serbia and Croatia after the collapse of the SFRY. *Polis. Political studies*. 2021, N 5, P. 127–145. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.09> (In Russ.)
- Ejdus F. *Crisis and ontological insecurity. Serbia's anxiety over Kosovo's secession*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020, 202 p.
- Giddens A. *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Stanford: Stanford university press, 1991, 256 p.
- Jacoby T.A. A theory of victimhood: Politics, conflict and the construction of victim-based identity. *Millennium*. 2015, Vol. 43, N 2, P. 511–530.
- Kinnvall C. Globalization and religious nationalism: Self, identity, and the search for ontological security. *Political psychology*. 2004, Vol. 25, N 5, P. 741–767.
- Kinnvall C., Mitzen J. Anxiety, fear, and ontological security in world politics: Thinking with and beyond Giddens. *International theory*. 2020, Vol. 12, N 2, P. 240–256.
- Koprivica Č.D. Kako promišljati srpsku krizu? *Социолошки преглед*. 2008, Vol. 42, N 2, P. 129–146. (In Serb.)
- Lerner A.B. The uses and abuses of victimhood nationalism in international politics. *European journal of international relations*. 2020, Vol. 26, N 1, P. 62–87.
- Mälksoo M. «Memory must be defended»: Beyond the politics of mnemonical security. *Security dialogue*. 2015, Vol. 46, N 3, P. 221–237. DOI: <https://doi.org/10.1177/0967010614552549>
- Mehler D. The last ‘never again’? Srebrenica and the making of a memory imperative. *European review of history: Revue européenne d'histoire*. 2017, Vol. 24, N 4, P. 606–630.
- Meleshkina E. Yu., Pomiguyev I.A. The ideas of nationalism and yugoslavism in Serbian political discourse. *Rusin*. 2019, Vol. 58, P. 306–321. (In Russ.)
- Mencej M. The dead, the war, and ethnic identity: ghost narratives in post-war Srebrenica. *Folklore*. 2021, Vol. 132, N 4, P. 412–433.
- Mitzen J. Ontological security in world politics: State identity and the security dilemma. *European journal of international relations*. 2006, Vol. 12, N 3, P. 341–370.
- Odak S., Benčić A. Jasenovac – A past that does not pass: The presence of Jasenovac in Croatian and Serbian collective memory of conflict. *East European politics and societies*. 2016, Vol. 30, N 4, P. 805–829.
- Pavlović Z. Идеологија и политика: значај разлика у нивоу образовања за политичке поделе у Србији и Црној Гори. *Српска политичка мисао*. 2015, Special Issue, P. 125–152. (In Serb.)
- Ponamareva A.M. An inconvenient past of World War II in the historical policy of the Republic of Croatia. *Lomonosov world politics journal*. 2020, Vol. 11, N 4, P. 39–67. (In Russ.)
- Ramet S. Dead kings and national myths: Why myths of founding and martyrdom are important. In: Listhaug O., Ramet S., Dulić D. (eds). *Civic and uncivic values: Serbia in the Post-Milošević Era*. Budapest: Central European university press, 2011, P. 267–298.

- Rastegaev D.O. «Anti-memory space»: Srebrenica narrative in the structure of ontological security of the Republika Srpska. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 315–337. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.14> (In Russ.)
- Šijaković B. Велики рат, Видовданска етика, памћење-о историји идеја и Спомену Жртве. *Politeia – Naučni časopis Fakulteta političkih nauka u Banjoj Luci za društvena pitanja*. 2015, Vol. 5, N 9, P. 9–57. (In Serb.)
- Steele B. *Ontological security in international relations: Self-identity and the IR state*. New York: Routledge, 2008, 244 p.
- Stojanović D. Value changes in the interpretations of history in Serbia. In: Listhaug O., Ramet S., Dulić D. (eds). *Civic and uncivic values: Serbia in the Post-Milošević Era*. Budapest: Central European university press, 2011, P. 221–240.
- Subotić J. Genocide narratives as narratives-in-dialogue. *Journal of regional security*. 2015, Vol. 10, N 2, P. 177–198.
- Timofeev A.Yu. Metamorphoses of memory of the Russian-Serbian Brotherhood of War in Modern Serbia. *MGIMO Review of international relations*. 2020, N 13 (4), P. 142–156. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-4-73-142-156> (In Russ.)
- Wohl M.J.A., Branscombe N.R., Klar Y. Collective guilt: Emotional reactions when one's group has done wrong or been wronged. *European review of social psychology*. 2006, Vol. 17, N 1, P. 1–37.
- Zarakol A. Ontological (In)security and state denial of historical crimes: Turkey and Japan. *International relations*. 2010, Vol. 24, N 1, P. 3–23. DOI: <https://doi.org/10.1177/0047117809359040>

Литература на русском языке

- Ефременко Д.В. «Скелеты в славянском шкафу». Контroversы исторической памяти и нациестроительство в Сербии и Хорватии после распада СФРЮ // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 5. – С. 127–145.
- Ефременко Д.В. Память как casus belli // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, № 6 (118). – С. 119–141.
- Мелешикина Е.Ю., Помигуев И.А. Идеи национализма и югославизма в политическом дискурсе Сербии // Русин. – 2019. – Т. 58. – С. 306–321.
- Понамарева А.М. «Неудобное прошлое» Второй мировой войны в исторической политике Республики Хорватия // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 39–67.
- Растегаев Д.О. Место антипамяти: нарратив о Сребренице в структуре онтологической безопасности Республики Сербской // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 315–337. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.14>
- Тимофеев А.Ю. Метаморфозы памяти о боевом братстве русских и сербов в годы Второй мировой войны в современной Сербии // Вестник МГИМО Университета. – 2020. – № 4 (73). – С. 142–156.